

Александра Яремюк

Под прицелом его взгляда

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александра Яремюк
Под прицелом его взгляда

«Автор»

2026

Яремюк А.

Под прицелом его взгляда / А. Яремюк — «Автор», 2026

Она- принципиальный врач 25-ти лет, которая не делит людей на богатых и бедных. Она их лечит вне зависимости от их статуса. Для нее главное — это что бы пациент выжил. Он— безжалостный, мрачный, опасный и жестокий бизнесмен 35-ти лет. Он не любит быть слабым, он любит все контролировать. И хочет подчинить себе эту невозможную докторшу. В тексте есть : Страсть, от ненависти до любви, противостояние характеров, эмоции на грани, элементы 18+ когда между героями искрит!

© Яремюк А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7

Александра Яремюк

Под прицелом его взгляда

Глава 1

Я ненавидела VIP-палаты и приемные- не за позолоту ручек и не за кожаные кресла, а за то, что там люди до последнего верили, что их статус сильнее физики. Что если достаточно громко сказать «я заплачу», то законы тела можно отменить.

Сегодня отменять было нечего. Физика уже победила.

Каталка ворвалась в коридор с рёвом сирены, колёса глухо били по плитке, будто отсчитывали секунды. Санитары держали борта, врач бросал короткие фразы, как гвозди: — Гемоторакс.

Давление сто на шестьдесят и падает. Пульс сто тридцать.

Я перехватила каталку у самых дверей, не давая ей дёрнуться ни на сантиметр в сторону. В такие минуты любое лишнее движение — это лишняя кровь, лишний литр воздуха там, где его быть не должно.

— Кто ведёт? — рывкнула я, и команда подобралась мгновенно. — Травма грудной клетки, подозрение на гемоторакс, — повторил анестезиолог, будто боялся, что я не услышала.

— Давление? — Сто на шестьдесят. Падает.

И тут из каталки донёсся голос. Не громкий, не властный — скорее хриплый, сорванный, как будто каждое слово приходилось выдирать из груди вместе с воздухом: — Я могу идти. Дайте мне встать.

Он попытался приподняться, и каталка дёрнулась.

Я шагнула вперед и мягко, но твёрдо положила ладонь ему на плечо, не давая подняться. — Не надо. Сейчас самое опасное — это пытаться доказать, что вы сильнее.

Его глаза были тёмными, почти чёрными, и в них читалось не смирение, а злость — злость на собственное тело, которое вдруг стало предателем. — Я не люблю лежать, — выдохнул он, будто эти три слова стоили ему половины сил.

Я кивнула команде: — Дренаж, контроль давления, стабилизация. Сейчас.

Пока они работали, Волков не закрывал глаз. Он не отводил взгляда, будто если отпустит меня из виду, то всё окончательно выйдет из под контроля. Каждый его вдох был коротким, резким, как удар.

— Имя? — спросила я, наклоняясь чуть ближе, чтобы он слышал меня сквозь шум аппаратуры. —

Волков, — выдохнул он. — Александр.

«Ну конечно, — мелькнуло в голове. — Александр Волков. Человек, который привык, что мир под него подстраивается. А теперь мир просто не даёт ему вздохнуть».

— Хорошо, Александр. Сейчас мы сделаем так, чтобы вам стало легче дышать. Но для этого нужно, чтобы вы не боролись с нами. Просто дышите. Как можете.

Уголок его губ дёрнулся, будто он хотел что-то сказать, но вместо этого просто сжал зубы. Он не просил пощады. Он просто не хотел проигрывать.

«Пусть злится, — подумала я, выпрямляясь. —

Пусть хоть весь мир ненавидит. Главное, чтобы давление не падало».

Мы работали быстро и молча, как умеют только те, кто не раз видел, как тонкая грань между «ещё можно спасти» и «уже поздно» сжимается до одного вдоха. Я следила за показа-

телями, за тем, как меняется цвет кожи, как напрягаются мышцы на шее, когда ему снова не хватает воздуха.

Дренаж поставили, жидкость пошла, и на мониторе цифры чуть подросли — совсем немного, но для нас это было как зелёный свет.

— Стабилизация, — тихо бросил анестезиолог, и я наконец позволила себе выдохнуть. Не с облегчением, а просто чтобы лёгкие снова заработали нормально.

Волков прикрыл глаза, и на секунду его лицо потеряло эту жёсткую, высеченную из камня маску. На нём проступила усталость, такая глубокая, что она выглядела почти как старость, хотя ему наверняка не было и сорока. Он дышал, и каждый вдох теперь был чуть длиннее, чуть спокойнее.

— Мы его забираем в палату, — сказал санитар, и я кивнула.

Когда каталку покатали по коридору, я шла рядом, не отрывая взгляда от монитора. Волков снова приоткрыл глаза и посмотрел на меня. Не с вызовом, не с благодарностью - просто как будто хотел убедиться, что я всё ещё здесь.

— Вы..не.уйдёте? — выдохнул он так тихо, что, если бы не стояла вплотную, не услышала бы.

Этот вопрос пробил броню моих «только работа, только факты». Потому что в нём не было требования, не было приказа. В нём было то, что он никогда бы не произнёс при других: ему было страшно.

— Я буду рядом, пока нужно, — сказала я ровно, не позволяя голосу дрогнуть. — Но вы должны лежать. Без исключений.

Он снова прикрыл глаза. Кивнуть у него не хватило сил.

Когда Волкова увезли в палату, я наконец смогла сделать нормальный вдох — не короткий, не рваный, а такой, когда грудь раскрывается до конца. И только тогда поняла, как сильно у меня дрожали пальцы, пока я держала борт каталки.

Лица появилась рядом бесшумно, как умеет только она. Протянула стакан воды и встала так, чтобы закрыть меня от коридора — от лишних взглядов, от лишних вопросов.

- Пей, — сказала она коротко, без «как ты», без «ты в порядке». Просто «пей», будто знала, что если я услышухоть каплю жалости, то сейчас просто рассыплюсь.

Я сделала глоток. Вода была тёплой, невкусной, но она возвращала меня в реальность.

А потом мой телефон завибрировал. Один короткий звонок. Номер я знала наизусть. Номер, который давнодолжна была заблокировать.

А потом мой телефон завибрировал. Один короткий звонок. Номер я знала наизусть. Номер, который давнодолжна была заблокировать.

Экран высветил: «Артём».

Внутри всё сжалось, но не от страха, а от привычки: когда звонит Артём, мир становится уже, темнее, и ты снова не имеешь права сказать «нет».

Лица заметила, как я замерла. Молча выхватила телефон из моего кармана и нажала «отклонить».

Потом сунула мне его обратно экраном вниз.

— Не смотри, — тихо сказала она. — Если позвонит ещё раз — я сама отвечу. Скажу, что ты на операции и выйдешь через три дня. Или никогда.

Я почти рассмеялась. Почти. Но вместо этого просто кивнула: — Просто будь рядом. Этого хватит.

Лица хмыкнула: — Всегда. Даже когда ты будешь ворчать, что я слишком много болтаю. Улыбка вышла кривой, но настоящей. АА

Глава 2

Смена закончилась ровно в девять утра. Я вышла из дверей клиники в плотный, гудящий утренний зной мегаполиса.

Солнце уже жгло асфальт, но после двенадцати часов в операционной этот воздух казался спасением.

— Ань, притормози! — Лика догнала меня у самого шлагбаума парковки. В руке она держала два больших стакана с холодным кофе. — Держи, тебе нужно доехать до дома живой.

К слову о живых: твой Волков из первой VIP-палаты уже поднял на уши всё руководство. Час назад требовал, чтобы его личным лечащим врачом на весь период реабилитации закрепили именно тебя.

Я взяла стакан, нажав на брелок автосигнализации. Мой белый кроссовер послушно мигнул фарами.

— Наш главврач там от счастья светится, — продолжала Лика, оперевшись плечом о мою машину.

— Волков уже перевёл какой-то безумный гранд на счёт нашего хирургического отделения. Ты для него теперь золотая антилопа.

— Пусть спонсирует что хочет, — я сделала глоток горького эспрессо. — У меня законные три дня выходных. Снимать дренаж ему будет дежурная бригада. Я уехала спать.

— Он взбесился, когда узнал, что ты уходишь со смены, — хмыкнула Лика. — Его секретарь бегал по коридору как ошпаренный. Мрачный мужик, Ань. Привык, что все перед ним на задних лапах ходят. Будь с ним поосторожнее.

— Со мной ему ловить нечего. Пока, Лик. На связи.

Я села за руль, включила кондиционер и вырулила со стоянки. Дорога до дома заняла полчаса.

Мой дом стоял в престижном современном ЖК недалеко от центра. Закрытая территория, подземный паркинг, охрана на въезде.

Я сама заработала на эту двухкомнатную квартиру — пахала на полторы ставки, брала тяжёлые ночные дежурства и вела частные консультации. Внутри всё было сделано идеально, под меня: минимализм, светлые стены, дорогая немецкая сантехника, встроенная бытовая техника и идеальный порядок. Каждая вещь лежала на своём месте.

Я любила, чтобы моя жизнь вне больницы была предсказуемой, чистой и комфортной. Здесь был мой личный островок безопасности.

Я скинула кожаные кеды, бросила ключи на консоль в прихожей и стянула джинсы. Прощла в ванную, включила горячий душ.

В зеркале отразилось бледное лицо с тёмными кругами под глазами от недосыпа, но взгляд оставался собранным. Я привыкла держать удар. Душ немного снял усталость, смывая липкий больничный запах. Обернувшись в плотный халат, я ушла на кухню. Нажала кнопку на кофемашине, налила в стакан ледяную воду из фильтра.

Мысли снова вернулись к ночному звонку. Артем. Длина его молчания составляла долгие два года, и я наивно верила, что он забыл дорогу в мою жизнь.

Отбитый, жестокий главарь поднявшейся на крови группировки.

Он считал меня своей вещью, которую потерял из-за досадной ошибки. Этот хриплый голос в трубке не сулил ничего хорошего.

Если Артем начал звонить, значит, он уже близко.

Кофемашинка тихо зажужжала, наполняя чашку. В этот момент на улице, прямо под моими окнами, раздался короткий, наглый автомобильный гудок.

Я нахмурилась, подошла к панорамному окну гостиной и чуть отодвинула плотную штору блэкаут. Моя квартира находилась на пятом этаже, обзор на закрытый внутренний двор был идеальным.

Прямо перед подъездом, перекрывая выезд остальным машинам и наплевав на правила ЖК, стоял огромный матовый «Мерседес» с наглухо затонированными стёклами. Шлагбаум на въезде во двор был сломан — его просто вышибли тараном, чёрные пластиковые обломки до сих пор валялись на асфальте у будки испуганного охранника.

Из машины никто не выходил. Мотор утробно, тяжело рычал.

Сердце сделало сильный, глухой удар. Это был почерк Артема.

Он никогда не просил — он просто забирал своё. И если он проехал сквозь охрану элитного комплекса, значит, тормозов у него не осталось совсем.

В руке завибрировал телефон. На экране высветился скрытый номер.

Я выдохнула, сжала пальцы на корпусе смартфона и приняла вызов.

— Я же просил не сбрасывать меня, Анечка, — вкрадчивый, опасно спокойный голос Артема разрезал тишину кухни. — Красиво устроилась. Хороший район, дорогой дом.

Зарабатываешь, значит, на своих потрохах. Только от меня ты в этих стенах не спрячешься. Выходи во двор, поговорим как цивилизованные люди. Или мне подняться? Пятый этаж, квартира сто двенадцать. Считаю я уже у лифта.

Внутри всё сковал ледяной холод, но я заставила себя говорить жёстко, без единой лишней эмоции:

— Артем, если ты переступишь порог моего этажа, я вызову группу быстрого реагирования. Охрана комплекса уже вызывает полицию. Убирайся.

— Да пусть вызывают, — он коротко, мерзко рассмеялся в трубку. — Пока твоя полиция доедет через пробки, мы с тобой уже будем далеко. Пять минут, Ань. Выходи сама. Иначе мои пацаны просто вскроют твою красивую железную дверь. Пожалей ремонт.

В трубке раздались короткие, бьющие по нервам гудки.

Я метнулась к окну. Задняя дверь матового «Мерседеса» открылась, и на асфальт ступил Артем — в черном пальто, с тяжёлым взглядом и свежим шрамом, рассекающим бровь. За ним вышли трое плотных парней в спортивных куртках. Они уверенно двинулись к стеклянным дверям моего подъезда.